

рных факторов. В русскоязычной блогосфере сознание носителей отражает исторически сложившееся административно-территориальное деление (федеративное устройство России) и связанные с этим межконфессиональные, этнические, межкультурные различия; социальную стратификацию общества и т.д. Лексема *патриотизм* приобретает характер денотативно свободного слова. С ее помощью в дискурсе блогов описывается широкий круг явлений – от реальной любви к родине до симулякра любви. Путем разрыва сигнификата и денотата, *патриотизм* становится манипулятивным словом, употребляется для названия определенного ряда явлений, причем сигнификат может не соответствовать денотату. Манипуляция происходит на уровне изменения ассоциативного поля лексемы, называющей концепт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка : [А-Я] / [авт. и рук. проекта, сост., гл. ред. С. А. Кузнецов]. – СПб. : Норинт, 1998. – 1535 с.
2. Гаврилова М. В. Лингвокогнитивный анализ русского политического дискурса : Дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01/ СПб гос. ун-т., С.-Петербург, 2005. – 27 с. Режим доступа: <http://www.lib.ua-ru.net/>
3. Голубовська І. О. Етнічні особливості мовних картин світу : [моногр.] / І. О. Голубовська. – К. : Логос, 2004. – 284 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь русского языка : современная версия / В. И. Даль. – Ростов-н/Д. : Владис ; М. : РИПОЛ классик, 2011. – 1088 с.
5. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка [электронный ресурс]. – М. : АСТ, Астрель, Харвест, 2006. – 1168 с. – Режим доступа: <http://www.efremova.info/>.
6. Карасик В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2009. – 406 с.
7. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
8. Ляпин С. Х. Концептология: к становлению похода / С. Х. Ляпин. – Архангельск : Изд-во Поморского ун-та, 1997. – Концепты. Вып. 1. – С. 11–35.
9. Малышева Е.Г. Концепт *губернатор* в региональном массово-информационном дискурсе (на материале текстов радиальных и телевизионных СМИ Омской области) // Политическая лингвистика [Гл. ред. А.П. Чудинов]. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009. Вып. 2. – С. 78–86.
10. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : 72500 слов и 7500 фразеол. выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азъ, 1992. – 955 с.
11. Олешков М.Ю. Лингвоконцептуальный анализ дискурса (теоретический аспект) // Дискурс, концепт, жанр: коллективная монография / Отв. ред. М.Ю. Олешков.– Нижний Тагил, НТГСПА, 2009. – С. 68–85.
12. Пожидаєва І. В. Лінгвопрагматичний аспект маніпулятивного дискурсу блогосфери (на матеріалі англійської, російської, французької й української мов) : дисс. ... канд. філол. наук : 10.02.15 “Загальне мовознавство” / Пожидаєва Ірина Валентинівна. – К., 2013. – 374 с.
13. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика: учеб. / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ Восток-Запад, 2007. – 315 с.
14. Русский ассоциативный словарь : в 2 т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева и др. – М. : АСТ; М. : Астрель, 2002. – Т. 1 : От стимула к реакции : Ок. 7000 стимулов. – 2002. – 783 с. ; Т. 2 : От реакции к стимулу : Более 100000 реакций. – 2002. – 992 с.
15. Слухай Н. В. Когнітологія та концептологія в лінгвістичному висвітленні: навч. посіб. / Н. В. Слухай, О. С. Снитко, Т. П. Вільчинська. – К.: Вид.-поліграф. центр “Київський університет”, 2011. – 367 с.

УДК 811.161.1

Г.Н. Манаенко

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА СИНТАКСИЧЕСКОЙ ПОДСИСТЕМЫ ОСЛОЖНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Г.Г. МАНАЄНКО. СЕМАНТИЧНА СПЕЦИФІКА СИНТАКСИЧНОЇ ПІДСИСТЕМИ УСКЛАДНЕНОГО РЕЧЕННЯ.

© Г.Н. Манаенко, 2014

У статті ускладнене речення постулюється як синтаксична підсистема російської мови перехідного характеру. Специфіка цієї підсистеми визначається на основі її співвідношення з внутрішньолінгвістичним середовищем, в якості якого виступають синтаксичні підсистеми простого та складного речень. Семантична організація ускладненого речення зумовлена вираженням у ній другої пропозиції, що може бути диктумного, модусного чи логічного характеру. Відповідно будь-яка пропозиція як така, що повідомляється, може входити до диктуму речення. При цьому пропозиція розуміється як семантична структура, що відображує ситуацію, яку той, хто говорить, виділяє в події. Друга пропозиція, що представлена в диктумі речення, не одержує предикативного оформлення, що підкреслює її меншу комунікативну цінність для того, хто говорить. Способи представлення другої пропозиції формують різні типи ускладненого речення, сукупність яких визначає ускладнене речення як синтаксичну підсистему. Представленість у семантиці другої пропозиції веде до ускладнення його формальної та семантичної організації, що дозволяє подолати лінійність мовлення та надати тексту багатомірності.

Ключові слова: синтаксична підсистема, ускладнене речення, семантична структура, диктум, модус, пропозиція.

Г.Н. МАНАЕНКО. СЕМАНТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА СИНТАКСИЧЕСКОЙ ПОДСИСТЕМЫ ОСЛОЖНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

В статье осложненное предложение постулируется в качестве синтаксической подсистемы русского языка переходного характера. Специфика данной подсистемы определяется на основе ее соотношения с внутрilingвистической средой, в качестве которой выступают синтаксические подсистемы простого и сложного предложений. Семантическая организация осложненного предложения обуславливается выражением в нем второй пропозиции, которая может быть диктумного, модусного или логического характера. Соответственно, любая пропозиция, будучи сообщаемой, может входить в диктум предложения. При этом пропозиция понимается как семантическая структура, отображающая ситуацию, которую говорящий выделяет в событии. Вторая пропозиция, представленная в диктуме предложения, не получает предикативного оформления, что подчеркивает ее меньшую коммуникативную ценность для говорящего. Способы представления второй пропозиции формируют различные типы осложняющих конструкций, совокупность которых определяет осложненное предложение как синтаксическую подсистему. Представление в семантике простого предложения второй пропозиции приводит к осложнению его формальной и семантической организации, что позволяет преодолевать линейность речи и придавать тексту многомерность.

Ключевые слова: синтаксическая подсистема, осложненное предложение, семантическая структура, диктум, модус, пропозиция.

G. MANAENKO. SEMANTIC SPECIFICITY OF THE SYNTACTIC SUBSYSTEM OF AN EXPANDED SENTENCE.

The author postulates expanded sentences as transitional subsystems of the Russian language. The specificity of this subsystem is based on its relationship with intralinguistic environment which is represented by syntactic subsystem of simple and composite sentences. Semantic organization of an expanded sentence is determined by the expression of the second proposition, which can have dictum, modus or logical nature. Accordingly, any proposition may be included in a sentence's dictum. Proposition is understood as a semantic structure showing the situation, which is highlighted by a speaker. The second proposition represented in the dictum receives no predicative design that emphasizes its lesser communicative value for the speaker. Ways of representing the second proposition form various types of complicating structures, which together determine the expanded sentence as a syntactic subsystem. Representation of the second proposition in semantics of a simple sentence leads to more complex formal and semantic organization that allows to overcome the linearity of speech and make the text multidimensional.

Keywords: syntax subsystem, expanded sentence, semantic structure, dictum, modus, proposition .

Как объект исследования осложненное предложение относится к тому типу феноменов, о которых знает каждый и которые в силу своей обыденности представляются вполне понятными и простыми. Действительно, ос-

ложненное предложение в современном русском языке охватывает такие синтаксические структуры, крайне неоднородные по своему составу и содержанию, которые располагаются в зоне переходности от простого предло-

жения к сложному. Но несмотря на свою внешнюю несхожесть осложняющие категории образуют достаточно гибкую и подвижную систему, реализуя на базе простого предложения как монопредикативной и монопропозициональной структуры объективные и субъективные смыслы, в том или ином их сочетании и проявлении, т.е. видоизменяя его формальное и / или семантическое устройство. К дополнительно представленным в простом предложении эксплицитно выраженным смыслам относятся элементы других пропозиций, смыслы квалификативных категорий, метакатегорий, реляторы.

Анализ осложненного предложения, его семантики, структуры и функционирования, позволяет «понять, каким образом речь, оставаясь линейной и соответственно одномерной, преодолевает свою одномерность и воспроизводит сложные отношения объективной действительности» [8, с. 185 – 186]. В то же время разноплановость синтаксических конструкторов, осложняющих предложение, а также периферийное положение осложнённого предложения в системе синтаксических единиц, и вследствие этого, обращение к нему при решении самых различных синтаксических проблем обусловили наличие значительного количества научных работ, затрагивающих в той или иной степени вопросы осложнённого предложения, частные аспекты его теории и составляющих. Однако все без исключения синтаксические штудии, посвященные осложненному предложению, опирались лишь на анализ внутрисистемных отношений.

Между тем, в отечественной лингвистике почти 30 лет реализуются идеи, связанные с понятием «среда», использование которого при создании типологии осложняющих категорий, с нашей точки зрения, во многом может способствовать преодолению имеющихся противоречий: «Ни одна частная система в языке не может быть понята и объяснена, если ее анализ ограничивается внутрисистемными отношениями... Исследование приобретает необходимую объяснительную силу лишь в том случае, если изучение внутрисистемных отношений дополняется анализом между системой и средой» [5, с. 13]. Соответственно, в качестве внутрilingвистической среды для системы осложненного предложения можно и должно рассматривать системы простого и сложного предложений, «хотя понятие среды не сводится к той более широкой системе, в которую включается данный лингвистический объект» и прежде всего потому, что к среде относятся «не все элементы более широкой системы, а те, которые являются обуславливающим и обуславливаемым окру-

жением данной системы (в этом смысле среда избирательна!), ...среда включает элементы разных систем, не обязательно связанных друг с другом – их объединяет лишь то, что они как-то взаимодействуют с исходной системой» [5, с. 14].

И все же возникает вопрос: является ли осложненное предложение системой языковых средств, поскольку есть точка зрения, согласно которой все процессы, связанные с осложнением предложения, относятся к плану организации речи, а категории, традиционно включенные в эту систему, слишком разнородны в грамматическом аспекте: «Под системой, как известно, понимается упорядоченная и внутренне организованная совокупность взаимодействующих и взаимосвязанных объектов, образующих определенную целостность» [1, с. 118]. Синтаксические же явления, подводимые под понятие осложнения столь неоднотипны в своих характеристиках, что заставляют усомниться в своем взаимодействии и наличии внутренней организации их соотносительности. Однако следует отметить, что не только относительная замкнутость является системообразующим фактором – есть и другие свойства системы, которые иногда неправомерно игнорируются исследователями (приведем другое определение системы): «...если М элементов, связи которых в некотором смысле однородны и обращены вовнутрь, как множество и единое целое обладает связями, обращенными вовне, – это система» [7, с. 12].

Связи, обращенные «вовне», это и есть взаимодействие системы и среды. При этом «система и среда в их соотношении – это не самодовлеющие понятия. Они подчинены функции. Взаимодействие системы и среды направлено на реализацию той или иной функции. Отдельная изолированная частная система не может обеспечить реализацию функций, выполняемых в процессе общения, прежде всего функции передачи смысла высказывания. Для этого необходимо сочетание и взаимодействие данной частной системы с другими» [5, с. 14]. Именно поэтому недостаточно только констатировать отличие, формальное и смысловое, осложненного предложения от простого и сложного предложений: необходимо показать взаимодействие этих систем, что *в принципе* не наблюдалось при различных синтаксических описаниях, выполненных преимущественно в формально-грамматическом ключе.

Исключение при синтаксическом описании осложненного предложения его взаимодействия со средой и приводило к тому, что осложнение представлялось чаще всего перечислением и простой регистрацией синтакси-

ческих конструкций. На наш взгляд, более глубоким и полным представлением осложненного предложения возможно при семантическом подходе, который как раз и позволяет учитывать соотношение данной системы со своей лингвистической, «парадигматической» в определении А.В. Бондарко, средой – простым и сложным предложениями. Именно выход в семантику обеспечивает естественную последовательность и большее внутреннее единство такого описания.

Предложение – это сложный знак, имеющий как план выражения, так и план содержания, но исходя из известного положения об асимметричности языкового знака, нужно признать доминирующее положение семантики в анализе предложения. Семантическое представление «управляет синтаксическим, а соответствующие компоненты (субкомпоненты) системы находятся в уровневых отношениях» [7, с. 28]. Здесь можно говорить об определенной автономности семантики, поскольку одной семантической структуре может соответствовать несколько синтаксических структур (при синонимии высказываний). В известной степени семантика предложения задается до выбора синтаксической структуры (скорее всего, не вся семантика, а ее диктумная часть). Следует при анализе и описании обязательно учитывать и тот факт, что семантика предложения многослойна, поскольку в семантической структуре предложения находят отображение структура «положения дел», реального или мыслимого, структура логической фразы и структура речевой ситуации.

Любая синтаксическая единица по определению соответствует простой формуле – 1 # 2, но специфика каждой из них (словосочетания, простого и сложного предложений) раскрывается только при обращении к плану содержания, т.е. семантике, максимально абстрагированной и типизированной. Одним из способов представления семантической структуры элементарного предложения выступает разграничение в его содержании объективных и субъективных смыслов, т.е. диктума и модуса, и необходимых для его существования в качестве синтаксической единицы. Обязательные объективные смыслы представлены пропозицией. Термин «пропозиция» пришел в лингвистику из логики, где обозначал ситуацию, взятую в аспекте ее внутренней логической структуры. Но в языкознании, как и в других науках, действуют процессы интеграции и дифференциации. «Интеграция состоит в нашем случае в том, что для уточнения своих представлений о системности мы используем данные других наук, а дифференциация – в приспособлении этих концепций к

специфике языкознания на основе анализа соответствующего материала» [1, с. 118]. Иными словами, пропозиция в лингвистике – это семантическая структура, которая образована предикатом с заполненными валентностями, обозначающая взгляд говорящего на «положение дел», т.е. выделенную им ситуацию.

Как отмечают многие исследователи, сами пропозиции неоднородны по своему составу и в самом общем виде распределяются по трем типам: *диктумные*, в которых отражена объективная действительность, какой ее «видит» говорящий; *модусные*, где отражается «несубстанциональная» действительность, т.е. психическая реальность (это ситуации, отражающие вербальную и ментальную деятельность человека и обозначаемые предикатами восприятия, мысли, речи, знания и т.п.); и *логические* пропозиции, отражающие мыслительную деятельность говорящего, устанавливающего (приписывающего) различного рода отношения между ситуациями – причинно-следственные, временной последовательности и т.д. Обычно логические пропозиции определяются в качестве «верхнего слоя» диктума, но «представляется, однако, допустимым в исследовательских целях придать логическим пропозициям самостоятельный статус, передав в их ведение отношения между ситуациями и оставив за диктумными пропозициями выражение самих ситуаций» [6, с. 34]. Некоторые логические пропозиции лингвисты, в частности Ю.С. Степанов, трактуют в качестве суперпредикатов – аналогов логических кванторов и операторов (существования, общности, конъюнкции, дизъюнкции и т.п.), в другой трактовке их определяют как «реляторы».

Здесь необходимо сделать очень существенное, с нашей точки зрения, замечание. Диктумное содержание семантики предложения составляют не только диктумные и логические пропозиции, но и модусные, которые также могут быть предметом сообщения. Противопоставление внутреннего мира субъекта и внешнего мира реальности, идущее еще от Декарта, исключает модусные пропозиции не только из диктума предложения, но и те ситуации, с которыми они соотносятся, из мира объективной действительности. Однако в трудах многих отечественных ученых и мыслителей доказывалась условность такого противопоставления. Согласно взглядам М.М. Бахтина, развивавшего позицию, ранее высказанную П.А. Флоренским, «мы имеем дело с единым субъектно-объектным пространством, цементируемым *взаимодействием деятельностей* и представляющим собой целостное, развертывающееся во времени

пространство» [9, с. 136]. Как отмечает А.А. Леонтьев, с точкой зрения М.М. Бахтина в самом явном виде перекликаются размышления выдающегося психолога С.Л. Рубинштейна: «И, наконец, наиболее важная мысль: «Вместо дуалистической схемы: мир или среда, с одной стороны, субъект, личность – с другой (как бы вне среды и мира), поставить вопрос о *структуре мира или среды, включающей, внутри себя имеющей субъекта, личность как активного деятеля*. Предметом фундаментального изучения должна быть *структура мира с находящимся внутри него субъектом и изменения этой объективной структуры в различных установках субъекта*»... И далее: «Человек находится внутри бытия, а не только бытие внешне его сознанию». Мир, по Рубинштейну, – «это общающаяся друг с другом совокупность людей и вещей». «Человек должен быть взят внутри бытия, в своем специфическом отношении к нему, как субъект познания и действия, как субъект жизни... Бытие как объект – это бытие, включающее и субъекта» [9, с. 137].

Именно поэтому модусные пропозиции, отражающие психическую реальность индивида, могут представлять в семантике предложения, как и другие пропозиции, так называемые обязательные объективные смыслы. Иначе говоря, репрезентация любых пропозиций может быть «объективной» информацией, т.е. представлением о реальном «положении дел». В то же время в картине мира говорящего любая модусная пропозиция может быть использована в качестве отношения к тому, что отображается другими пропозициями, т.е. «субъективной» информацией. Кстати, и само предложение существует только тогда, когда в нем наряду с объективными смыслами есть субъективные, отражающие активность, волю и коммуникативные установки говорящего именно как отношение к тому, что стало предметом (объективным смыслом) сообщения.

Известно, что модус предложения составляют актуализационные категории (смыслы, определяющее грамматическое значение предложения), метакатегории (смыслы говорения, называния, мотива и цели речевого действия), квалификативные категории (смыслы авторизации, персуазивности, цели высказывания, оценочности), социальные категории (смыслы-сигналы о социальных отношениях участников речевого акта). При этом считается, что модус в предложении представлен как эксплицитно, так и имплицитно, т.е. семантическое содержание модуса гораздо шире грамматического. В самом деле, в элементарном предложении эксплицитно представлены лишь актуализационные кате-

гории и смыслы цели высказывания. Но, как и в любой знаковой системе, в языке отсутствие материального выражения тоже значимо, и если, в частности, отсутствие эксплицитно (вербально, интонационно) выраженной субъективной модальности – это знак нулевой (нейтральной) субъективной модальности, то это положение справедливо для всех имплицитно представленных в предложении модусных смыслов. Таким образом, комплекс объективных и субъективных смыслов составляет план содержания предложения, однако чтобы точно определить его организацию, необходимо, на наш взгляд, обратиться и к анализу отображения в семантике предложения структуры логической фразы. Не углубляясь в анализ этого соотношения, предлагаем понимать эту соотнесенность как *способ организации* плана содержания предложения, его комплекса обязательных объективных и субъективных смыслов.

Лингвистическая интерпретация этого соотношения достаточно обоснованно и убедительно представлена в работах Н.Д. Арутюновой [см.: 2; 4], где не только показано, что при пропозитивном субъекте (S) возможны предикаты модальные, оценочные, достоверности знания и коммуникации (т.е. то, что составляет модус предложения), но и тринарное образование предложения, при котором предикативное отношение имеет такой же статус как субъект (S) и предикат (P). «Сокровенная» связка, соотнесенная с логическим оператором предикации, составляет самостоятельный компонент предложения, и его можно схематично представить следующим образом: S Cop P.

Возвращаясь к формуле синтаксической единицы, мы теперь можем дифференцировать ее в отношении к словосочетанию, простому предложению и сложному предложению: соответственно, 1 # 2, SMP, (SMP)₁# (SMP)₂. При этом в сложном предложении необходимым его компонентом выступает определенное отношение, которое можно представить как логическую пропозицию, или релятор (суперпредикат). Следовательно, в семантическом аспекте *простое предложение* можно на полном основании определить как монопропозитивную и монопредикативную единицу; *сложное предложение* в таком случае не только полипропозитивная и полипредикативная единица, но и характеризующаяся обязательным наличием логической пропозиции, т.е. связи между своими составляющими; любое же *осложненное предложение* можно представлять как простое предложение (базисная, исходная структура) с дополнительно представленными в его семантической структуре (эксплицитно выраженными) объектив-

ными и субъективными смыслами (элементами других пропозиций, смыслами квалификативных категорий, метакатегорий, реляторами).

В свою очередь изоморфность структуры пропозиции структуре ситуации позволяет выделять в ее составе актанты (термы), способные к референции, и предикат, способный приобретать модальные и временные характеристики [3, с. 401]. Как следствие, мы сталкиваемся с проблемой классификации и интерпретации предложений, в которых находят свое отражение как минимум две пропозиции, т.е. монопредикативных предложений, но в то же время полипропозициональных. Одновременно возникает вопрос и о границах осложненного предложения, а также его разновидностях, поскольку возникают формулировки типа «грамматически простое, но семантически сложное предложение» и в одном ряду оказываются традиционно понимаемые осложненные предложения и предложения типа «Болезнь помешала Петру закончить работу» или «Иван приказал Петру работать» (в этот ряд включаются и предложения с детерминантами, точнее ситуантами – обстоятельственными детерминантами).

На первый взгляд кажется, что использование понятия «пропозиция» не вносит ясности в вопрос об осложнении предложения, хотя и позволяет углубить представление о семантической его организации, однако это не так, поскольку пропозиция дает ключ к решению данной проблемы, но требует при этом коррекции и именно в лингвистическом осмыслении своего содержания. Отмеченная специфика содержания и структуры пропозиции позволяет, на наш взгляд, преодолеть противоречия в разграничении простых и осложненных предложений, внести новые аспекты в уже имеющиеся классификации, найти корректные и четкие критерии квалификации различных синтаксических конструкций на основе наличия / отсутствия второй пропозиции, качества ее репрезентации (предикативная – неполная номинализация – полная номинализация), соответствия структуры пропозиции структуре предложения, совмещенности / несоммещенности «модели активного действия» (в терминологии О.Б. Сиротининой). Так, например, полные номинализации в общем случае, как замечает И.Б. Шатуновский, обозначают признак [10, с. 76]: Мне нравится ее пение ≠ (то), что она поет. По сути дела здесь лишь «след» второй пропозиции, *пение* – это элемент как структуры ситуации, так и структуры пропозиции (пусть «предикатный»), следовательно, мы можем говорить о том, что данное предложение не только монопредикативно, но и монопропо-

зиционально, т.е. простое, никак не осложненное (ни структурно, ни семантически), а предикатный актант лишь уплотняет семантическую ёмкость высказывания, что обусловлено его функционированием в тексте.

Используя понятие второй пропозиции, мы можем представлять осложнение предложения как системное явление, а также последовательно интерпретировать специфику синтаксических отношений в каждом типе осложнения. На первой ступени классификации осложняющих категорий можно разграничивать диктумное (т.е. связанное с наличием второй пропозиции или ее элементов, прежде всего логических операторов) и модусное (экспликация эмоционально-оценочных, квалификативных и метасмыслов); далее, в диктумном осложнении на основе наличия связей и отношений между репрезентациями пропозиций противопоставлять «структурное» осложнение (вставные конструкции) и «семантическое», в котором данная оппозиция определяется линейным (однонаправленным) или нелинейным (разнонаправленным) характером связей и отношений: соответственно, детерминанты (традиционно относимые к «семантическому» осложнению) и полупредикативные, уточняющие, сравнительные и др. конструкции (традиционно – «структурно-семантическое» осложнение). На основе соотношений компонентов второй пропозиции среди последних разграничиваются двухэлементные структуры (причастные, адъективные обороты и др.) и трехэлементные (деепричастные, уточняющие обороты и др.). Использование понятия пропозиции при синтаксическом описании осложненного предложения, вне всяких сомнений, перспективно, т.к. позволяет создать многомерную динамическую классификацию синтаксических конструкций, составляющих переходную зону между простым и сложным предложениями.

Понимая переходность как приближение единицы одной системы к назначению и качеству языковой единицы другой системы, мы должны определить, в чем состоят сущность и свойства оппозиционных систем простого и сложного предложений, обуславливающие существование переходной зоны – подсистемы осложненного предложения. Выражение фрагмента «возможного мира» говорящего может быть информацией о «внешнем» мире и «внутреннем» мире (ego) говорящего, а также об отношении говорящего к фрагменту «возможного мира» (в меньшей степени приближения – объектная и субъектная информация). Будучи утверждаемой, любая по качеству информация представляет в предложении диктумную часть его содержания, т.е. выступает предметом сообщения.

«Субъектная» информация, представленная как актуализация и комментарий сообщения, составляет модусную часть содержания предложения.

Таким образом, в предложении диктум и модус различаются не столько качеством информации, сколько способом её выражения, а пропозиция – это языковая форма, семантический инвариант образа фрагмента «возможного мира», представляющая при её актуализации обязательный *объективный* смысл, конституирующий простое предложение. Следовательно, любое отношение как абстрактная взаимосвязь между объектами «возможного (эпистемического) мира» говорящего может стать предметом пропозиционализации как вычленения фрагмента этого «возможного мира».

Пропозиция – это взгляд говорящего на «положение дел» в «возможном мире», однако сам говорящий «встроен» в этот мир, он его неотъемлемая часть, поэтому все, что с ним происходит, все, что он испытывает, чувствует, переживает, тоже может стать утверждаемым / отрицаемым в коммуникации. Информация об отношении говорящего к фрагменту «возможного мира» и высказыванию о нем может быть представлена актуализационными смыслами, смыслами цели высказывания, смыслами персуазивности и авторизации, оценочности высказывания, смыслами называния мотива и цели речевого действия, которые в совокупности составляют обязательные *субъективные* смыслы, конституирующие простое предложение. Отсюда можно заключить, что традиционно понимаемое грамматическое значение простого предложения – предикативность – можно представить (в полном соответствии с положением В.В. Виноградова о комплексном характере данной категории) как совокупность обязательных субъективных смыслов, получающих эксплицитное выражение, которая взаимодействуя с обязательным объективным смыслом (пропозицией), создает предикативную единицу, способную выражать единицу информации. Кстати отметим, наличие указанных объективных и субъективных смыслов в любой их конфигурации в простом предложении в качестве дополнительных, по сути, и становилось критерием для определения его как осложненного практически во всех концепциях.

Однако если понимать переходность осложненного предложения как движение от простого предложения к сложному, то прежде всего надо установить те дифференциальные признаки (свойства) сложного предложения, которые существенны для осложненного предложения как системы. В этом ключе сущность сложного предложения состоит не

только в обязательности полипредикативности и полипропозитивности, но и в наличии связи и отношения (логического оператора) между двумя и более взаимно ориентированными предикативными единицами (комплексами обязательных, т.е. конституирующих, объективных и субъективных смыслов). Наличие логического оператора (логической пропозиции), своеобразной точки, относительно которой организуется все содержание сложного предложения, является обязательным условием существования данной синтаксической единицы и, соответственно, еще одним направлением перехода от элементарного (монопредикативного и монопропозитивного) простого предложения к сложному. Следовательно, осложняющие категории, составляющие подсистему осложненного предложения как переходной зоны, связаны не только с каким-либо типом репрезентации любой пропозиции (диктумной, модусной, логической), но и с дополнительным выражением конституирующих субъективных смыслов (актуализационных, квалификативных, эмоционально-оценочных, логических и метасмыслов).

Таким образом, осложнение предложения – языковое средство, которое не противоречит коренному свойству речи и в то же время устраняет её ограниченность, создавая в линейном развёртывании речи многомерность за счёт перераспределения информации в высказывании и определения её коммуникативного ранга и ценности в «возможном мире» говорящего. Осложнение можно рассматривать и как систему приемов создания многомерности текста, его полифоничности, отражающей особенности «возможного мира» говорящего и его интенции и приоритеты в коммуникации, т.е. существование осложненного предложения как системы обусловлено, во-первых, наличием иерархии коммуникативной ценности информации с точки зрения говорящего, а во-вторых, задачами преодоления линейности речи. Осложняющие категории представляют особые языковые средства дополнительной реализации в простом предложении тех или иных обязательных объективных и субъективных смыслов и их конфигураций в плане содержания и усложнение и / или изменение синтаксических связей и отношений, т.е. нарушение линейности, в плане выражения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И.В. Современные лингвистические теории взаимодействия системы и среды // Вопросы языкознания. 1991. № 3. С. 118 – 126.

2. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Едиториал УРСС, 2003.
3. Арутюнова Н.Д. *Пропозиция* // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 401.
4. Арутюнова Н.Д. Сокровенная связка: (К проблеме предикативного отношения) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1980. – № 4. – С. 347 – 358.
5. Бондарко А.В. Опыт лингвистической интерпретации соотношения системы и среды // Вопросы языкознания, 1985. № 1. С.13 – 23.
6. Казаков В.П. Структура и коммуникативный потенциал полипропозитивного предложения // Вестник СПбУ. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. 1993. Вып. 1. – С. 34 – 38.
7. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988.
8. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л., 1972.
9. Леонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические труды. – М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001.
10. Шатуновский И.Б. Семантическая структура предложения, «связка» и нереперентные слова // Вопросы языкознания. 1993. № 3. – С. 76 – 85.

УДК 81'367.635+811.161.1+81'42

Н.С. Минина

ЧАСТИЦА **ВОТ** В ПОЗИЦИИ АБСОЛЮТНОГО НАЧАЛА СТИХОТВОРЕНИЯ

*Н.С. МІНІНА. ЧАСТКА **ВОТ** У ПОЗИЦІЇ АБСОЛЮТНОГО ПОЧАТКУ ВІРША.*

*У статті розглядається функціонування ініціально локалізованої частки **вот** у російських поетичних текстах ХХ століття. Частки слугують для виділення окремих слів, словосполучень, речень або усього тексту в цілому. Частка **вот** у позиції абсолютного початку вірша виконує дейктичну функцію, функцію акцентування, вказування на просторову локалізацію. За допомогою ініціально локалізованої частки **вот** відбувається виділення ключових слів, в окремих випадках вона є елементом поетичного смислоутворення.*

Ключові слова: частка, поетичний текст, сильні позиції вірша, дейктична функція, просторова локалізація.

*Н.С. МИНИНА ЧАСТИЦА **ВОТ** В ПОЗИЦИИ АБСОЛЮТНОГО НАЧАЛА СТИХОТВОРЕНИЯ*

*В статье рассматривается функционирование инициально локализованной частицы **вот** в русских поэтических текстах ХХ века. Частицы служат для выделения отдельных слов, словосочетаний, предложений или всего текста в целом. Частица **вот** в позиции абсолютного начала стихотворения выполняет дейктическую функцию, функцию акцентирования, указания на пространственную локализацию. С помощью инициально локализованной частицы **вот** происходит выделение ключевых слов, в отдельных случаях она является элементом поэтического смыслообразования.*

Ключевые слова: частица, поэтический текст, сильные позиции стихотворения, дейктическая функция, пространственная локализация.

*N.S. MININA PARTICLE **ВОТ** IN THE POSITION OF ABSOLUTE BEGINNING OF POEM*

*Particles are considered to be one of the most expressive means of the language. As a word class they have been researched by the prominent scientists, but their functioning in poetic texts was researched insufficiently. The purpose of this research thus is studying of functioning of particle **вот** in the position of absolute beginning of poem. Russian poetical texts of ХХ century are the material of the research. Particles are used for accentuation of separate words, word combinations and statements in general. Poetical text is a special sphere of their functioning. The cases when particles are*